

Вадим ГНАДЕНБЕРГ

АВРИЯ.
ПЕРВЫЙ КУРС

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Г56

Серия «Попаданец»

Выпуск 106

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Гнаденберг, Вадим Сергеевич

Г56 Аврия. Первый курс : роман / Вадим Гнаденберг. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-136286-7

Наш соотечественник, после долгой и плодотворной жизни на благо общества и правительства, умирает не совсем по своему желанию. Да, он прожил более чем долгую жизнь, полную тайн и приключений, но он никак не ожидал попасть в мир, где магия такой же атрибут жизни, как у нас прогресс. Помогут ли ему знания из прошлой жизни, ведь на Земле он только тем и занимался, что изучал магию, покажет его жизнь, которая начинается двумя смертями и только одной жизнью.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136286-7

© Вадим Гнаденберг, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

В помещении было темно и очень душно. Той узкой полоски света, что чудом пробивалась сквозь старые, еще помнящие лучшие времена, плотные бархатные шторы, явно не хватало. Воздух в помещении стоял затхлый, это помещение давно никто не проветривал. Даже те краткие мгновения, когда открывалась входная дверь, не спасали положения. Еще более усугубляла положение тлевшая на столе жировая свеча, она нещадно коптила, добавляя воздуху непереносимый запах.

Мебель в комнате, некогда претендовавшая на роскошь, была старой, но еще достаточно крепкой. Да и не так уж и много ее тут было. Кровать, небольшая тумба при ней, стол с массивным стулом в углу и кресло-качалка. Вот и вся скромная обстановка.

Мерное покачивание кресла сопровождалось легким скрипом дерева, в нем беспокойно спала уже не молодая, но все еще красивая женщина. Ее думы, которые преследовали ее и во сне, были направлены на маленького, лет двенадцати, мальчика, который лежал в кровати.

Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что мальчик очень плох. Он был бледен, нездоровая худоба. Да какая там худоба, он напоминал

скелет, обтянутый кожей. Под закрытыми веками было видно движение глаз. Мешки под глазами были настолько темны, что напоминали черные провалы.

Мальчик спал очень беспокойно и постоянно метался в кровати, но сил у него практически не было, даже чтобы просто перевернуться или приподнять одеяло. От усилий его покрывал обильный пот, а сквозь сомкнутые, высушенные и потрескавшиеся губы со свистом тяжело втягивался воздух.

Всего несколько дней назад он был полон энергии и подающим надежды юношей, а сейчас больше напоминал мертвеца. Его отец и дед, которые сейчас сидели в гостиной и мрачно пили вино, корили во всем себя. Дело в том, что их сын и внук был первым, кто за долгие годы существования их рода родился с зачатками магического дара. Вот они и перестарались, фактически убив его.

Мать же, что сейчас беспокойно спала в кресле в комнате мальчика, даже сквозь сон что-то шептала, умоляя богов спасти ее сына, а по щекам текли слезы. Дело было в том, что мальчик родился со слабым магическим даром и не дотягивал до уровня, необходимого для поступления даже в простую магическую школу, не то что в академию. Вот дед с отцом и нашли где-то эликсир, который должен был усилить магический дар мальчика.

Кто же знал, что эликсир окажется не только настоящим, но еще и мощным. В итоге, вместо инструкции, согласно которой нужно было принимать эликсир, они просто сразу дали его выпить мальчику весь. И вот тут началось страшное. Мальчика окутал

магический огонь. Это, конечно, не было настоящим огнем, это была аура, которая резко увеличилась, но вот источник мальчика не был готов принять полностью поток энергии.

Из-за чего в диких муках он просто начал высыхать, прямо на глазах превращаясь в скелет. А его магический центр и открытая к этому времени единственная энергетическая точка просто схлопнулись. Канал же, который соединял центр с точкой, был настолько искорежен и переломан, что на это было больно смотреть.

Единственный более-менее толковый целитель, на сто верст вокруг, ничего с этим поделать просто не мог, это было выше его сил. Вызвать кого-то более сильного не было ни денег, ни времени. Мальчик умирал, и с этим уже ничего нельзя было поделать.

И вот тело мальчика выгнула очередная судорога, и хоть реальной боли не было, его лицо исказилось в гримасе боли. Его тело сотрясали фантомные боли. Но в этот раз все было немного по-другому. За эти два дня, что мальчик умирал в агонии, он ни разу не пришел в сознание. Но теперь, когда его сотрясла очередная судорога, его глаза открылись, в них проскочило сознание, наполненное спокойствием. Он даже смог наклонить голову, увидеть мать и улыбнуться.

В следующее мгновение его тело обмякло, рухнув на кровать, а в глазах медленно погас огонек сознания. Лицо мальчика впервые за несколько дней разгладилось и источало спокойствие, а на лице застыла улыбка. Из легких со свистом вырвался воздух, и мальчик окончательно затих.

По щеке женщины прокатилась особо крупная слеза, и она тоже затихла, и только мерное вздымание груди говорило о том, что она еще жива. В комнате воцарилась полная тишина.

Так продолжалось долгих три минуты. Пока тело мальчика не вздыбилось в очередной судороге. Открытые до этого глаза раскрылись еще шире, хотя казалось, куда еще больше-то. Внутри же светлых, можно сказать даже ярко-оранжевых, янтарных глазах резко разгорелось пламя сознания.

Выгнутое дугой тело резко упало обратно на постель, а сквозь раскрывшиеся губы с диким свистом втянулся поток воздуха. Еще минуту назад мертвый мальчик вновь ожил и, судя по его виду, отправляться в другой мир не собирался.

От случившегося шума тревожно спящая мать подхватила и резко вскочила, вытирая тоненькую струйку слюны, что успела стечь по ее уголку губы. То, что она увидела, ее сильно удивило, но в тот же миг и дико обрадовало. На нее смотрели глаза, глаза ее сына, в них плескался разум и желание жить. Его губы, еле открывшись, хрипло просипели:

— В-о-д-ы. — Вот и все, что он смог протянуть, но и этого хватило сердцу матери, чтобы пуститься в пляс: ее сын выжил, а большего ей и не нужно было.

— Сейчас, дорогой, сейчас, — тихо и ласково говорила она, пока ее трясущиеся руки судорожно наполняли стакан водой из графина, что стоял на столе.

— Вот, дорогой, выпей, — произнесла она, когда наконец смогла наполнить стакан и поднести его к кровати. Она придерживала голову сына, пока он

пил, он был настолько слаб, что просто не мог этого сделать сам.

— С-па... — он хотел сказать «спасибо», но остатки сил покинули его, и он просто отключился. Но не так, как до этого, в болезненное беспамятство, а в лечебный и восстанавливающий сон.

— Спи, дорогой, — говорила мать, поглаживая его по голове. По ее щекам текли слезы, а с лица не сходила улыбка.

Так она просидела не меньше получаса, после чего окончательно убедилась, что ее сын просто спит. Аккуратно поднявшись, она тихо вышла из комнаты и, придерживая подол своего некогда роскошного, а сейчас заметно поношенного платья, побежала по коридору. Не сбавляя скорости, она просто пролетела по нему, и каблучки ее обуви уже стучали по деревянным ступеням лестницы.

Услышав этот быстрый перестук каблуков по лестнице, мужчины, что сидели в общем зале, вскочили. Их и до этого мрачные лица потемнели еще больше. Они готовились встретить самую страшную новость, что только могли себе представить. И тем сильнее было их удивление, когда к ним выскочила заплаканная, но радостная женщина.

— Что с ним? — первым опомнился более старый мужчина, это был дед мальчика, именно он принес в дом этот злосчастный эликсир.

— Он, он... — начала женщина, но ей не хватало воздуха, а потому она никак не могла продолжить.

— Что с нашим сыном? — подскакивая к жене, чуть ли не взревел более молодой мужчина.

— Он выжил, — наконец-то смогла проговорить женщина. И ее как прорвало, она начала рыдать, обмякнув в руках мужа, но продолжила говорить сквозь слезы: — Наш мальчик выжил, кризис миновал.

Мужчина, тот, что с седыми волосами, просто с невероятной для его возраста силой и скоростью рванул через зал. И через пару мгновений уже оказался на втором этаже. Еще пару мгновений и его могучая фигура застыла в дверном проеме комнаты, а в распахнутую настежь дверь наконец-то проник свежий воздух.

От притока свежего воздуха мальчик, что до этого почти без движения лежал на кровати, глубоко вздохнул, втягивая в легкие свежий воздух. А на лице этого, несомненно, могучего воина проступила улыбка, а по шершавой как наждак коже прокатилась одинокая слеза.

Момент, когда мальчик делал глубокий вдох, застал не только он один, но и отец мальчика. Увидев эту картину, он просто рухнул на колени. Да так и пополз к кровати, его переполняли чувства. А как только он достиг кровати, просто рухнул на нее, при этом очень осторожно обнимая ноги сына.

— Прости меня, сынок, — еле слышно прошелестело по комнате, а мужчина, уткнувшись в одеяло лицом, беззвучно плакал.

Смерть, что должна была посетить этот дом, временно обошла его стороной. И родители мальчика, что безмятежно спал, не обращая внимания на царившие вокруг него эмоции, возносили хвалу богам. Единственно, что было не так во всей этой истории, так это взгляд, что запомнила его мать: он был далеко не дет-

ским. Но она просто не обратила на это внимания, как и на то, что один глаз ее сына стремительно начал менять цвет. И если раньше у мальчика были глаза цвета молодого пламени, то теперь его правый глаз был цвета молодой листвы. Но это было настолько незначительным на фоне того, что ее сын смог выкарабкаться, что она просто отмахнулась от этих изменений.

Еще полчаса родители мальчика молча радовались произошедшим изменениям, прежде чем покинули его комнату. Перед тем как оставить его одного, мать, закрывая дверь, внимательно посмотрела на лежащего на кровати сына. Ей почудилось, что возле кровати витало нечто белесое, но стоило ей моргнуть, как наваждение исчезло, но при этом ее душу накрыла такая тоска, что она непроизвольно всплакнула. Ей показалось, что в данный момент ее покинул кто-то очень важный для нее, но сильная и надежная рука мужа, что легла ее на плечи, тут же отогнала грусть и печаль, и они, обнявшись, отправились вниз.

Глава 1

О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

Пробуждение мое было мучительным. Настолько паршиво я не ощущал себя даже в больнице, куда попал после артобстрела. Меня тогда знатно поломало, по сути, в моем теле не осталось ни одной целой кости, но даже тогда я чувствовал себя лучше, чем сейчас. Что же со мной такого приключилось, что мне так хреново?

Хотя чего там гадать, последнее, что я помню, это скрип тормозов и сильный удар. Вот мое старое

тело и бунтует по поводу такого к себе обращения. Только вот мне не дает покоя обеспокоенное лицо женщины, что я увидел, когда пришел в себя. Ну не похожа она была на медсестру, да и выглядела она несколько крупнее, чем я привык, да еще этот странный ее наряд.

А дальше у меня включились мозги. Как-никак я почти семьдесят лет проработал в конторе, и хоть к разведке я имею опосредованное отношение, но думать, а также проводить анализ я от этого хуже не стал. Сразу по своему состоянию от удара машины я чувствовал бы себя несколько по-иному, есть опыт, да и должен был быть закован в гипс. Тут же мое тело ничего не сковывало, да и ощущалось не так, как я к этому привык. Тут так сразу и не объяснить, но свое собственное старое тело я знаю хорошо. Еще бы, прожил в нем почти сто десять лет, успел изучить от А до Я.

Далее: место, а точнее кровать, на которой я лежал, не походила на больничную койку, от слова совсем. В свое время я довольно часто там бывал, и хоть последний раз был почти шестьдесят лет назад, но не думаю, что за это время что-то особо изменилось в этом вопросе. Так что я успел прочувствовать весь предоставляемый больничными койками «комфорт». Тут было нечто другое. Кровать была одновременно и жестче, и мягче. Такое ощущение, что я лежал на деревянной лавке, или топчане, поверх которого водрузили мягчайшую перину из гусяного пуха.

Воздух. Очень важный аргумент в пользу того, что я нахожусь не в больнице. Воздух в больнице

стерилен, пахнет хлоркой и медикаментами. Здесь же воздух был очень спертый, да еще этот гнусный запах горелого жира, от чего дышать тут было очень сложно. Определенно я не в больнице, но где именно, я понять никак не мог. Что точно, так это не у себя дома.

Чтобы сделать окончательный вывод, достаточно было осмотреться, но с этим были пока большие трудности. Тело... не знаю, как бы это сказать, в общем, тело, которое я ощущаю, было настолько истощено, что у него не было сил даже открыть веки. Шевелить глазами под веками и то было тяжело, так что осмотр откладывается.

Из возможностей, которые у меня остались, был только слух, так как телом я почти ничего не ощущал. Вот я и обратился в слух. Опытному оперативнику, которым я и являлся, хотя последние тридцать лет и провел на пенсии, звуки могли сказать о многом. К примеру, доносившиеся до меня скрипы, издаваемые деревом, говорили о том, что как минимум пол в помещении деревянный, что в последнее время большая редкость.

Так я и лежал; сколько именно, сказать было трудно, но не меньше часа точно, прежде чем я услышал шаги. Судя по дробному стуку, шла женщина, возможно даже та самая, которую я уже видел недавно. Скрипнула дверь, и в комнату кто-то вошел.

Шаги стали тише и медленнее, но от того меньше их слышать я не стал. Вместе с открытой дверью в комнату сквозняком проник чистый воздух, от чего я непроизвольно сделал глубокий вдох. Это далось мне с трудом и болью, мое лицо скривилось, но

буквально мгновение спустя боль отпустила. С притоком свежего воздуха у меня даже хватило сил, чтобы разлепить губы и даже попытаться попросить пить.

— Пи... — вот и все, что я смог из себя выдавить, и то еле-еле слышно.

Человек, который вошел в комнату, к этому времени успел подойти к кровати и склониться над ней, так что он мог услышать мой комариный писк. Но то, что произошло дальше, выбило меня из колеи почище машины, что меня сбила.

— Конечно, сынок, — тихо, но радостно и торопливо зажурчал надо мной голос женщины.

Это было настолько неожиданно, но при этом мое тело среагировало одновременно радостью, счастьем и тоской. Радость и счастье были вызваны чем-то мне незнакомым, а вот тоска была уже определенно моей, ведь моя мать умерла уже очень давно. Но это не помешало мне присосаться к кружке, что приставили к моим губам, и по глотке потекла прохладная и очень вкусная вода.

Но не успел я даже как следует напиться, как от переполняющих чувств меня накрыло с головой. И я вспомнил...

Вспомнил, как от удара машины мое тело со свернутой шеей отлетело метров на десять, с такими ранами не живут, это точно. Но не это было главным, а важными были воспоминания некоего а'Кана де Шена.

Этот самый де Шен, чье тело, оказывается, я занял, был мальчиком двенадцати лет от роду. Теперь понятно, почему та женщина, которая на поверку

оказалась его, моей, нашей матерью, показалась мне несколько больше обычного. Так вот маленький Кан, как просто звала его мать, родился в семье потомственного барона. Его род давно обнищал, а если быть точнее, то никогда и не был богат, но сейчас было совсем плохо, и последняя надежда возлагалась на него. Вернее, на проснувшийся в нем слабый магический дар.

Но он был настолько слаб, что его родные, а именно отец и дед, достали где-то эликсир, который должен был помочь ему развить дар. Но как обычно и бывает, в стараниях своих они переборщили, и мальчик умер. Вернее, умер его дух, который сдался под напором тех мучений и страданий, что излились на него за два дня. Каким же образом мой дух, который отлетел от моего изломанного тела, оказался тут, совершенно непонятно.

Все это я осознал буквально за мгновение. Но в мое сознание продолжала вливаться информация. Информации было не так чтобы много, я за свою жизнь знал во много раз больше. Но информация была очень важна. Тут было всё: от начала осознания юного барона до момента его гибели. Знание языка и память о прожитой жизни.

От случившегося я впал в ступор, из-за чего вода, которая продолжала литься мне в рот, попала не в то горло, и я закашлялся. Судорожный кашель выгнул меня дугой, но на помощь мне пришла мать и, поддерживая мое сильно исхудавшее за эти два дня тело, помогла прокашляться.

Информация, которая пронеслась в моем сознании, не была сторонней, она была частью тела